

И. Ф. МАРТЫНОВ, И. А. ШАНСКАЯ

ОТЗВУКИ ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННОЙ ПОЛЕМИКИ 1750-х ГОДОВ
В РУССКОЙ РУКОПИСНОЙ КНИГЕ
(Сборник А. А. Ржевского)

В истории отечественной словесности не раз случалось, что внешне незначительное событие, подобно камню, брошенному в воду, способно было надолго замутить чистый «кастальский ток». Таким событием, всполошившим в 1753 г. весь российский Парнас, стала «Сатира на петиметра и кокеток», принадлежавшая перу рифмотворца сумароковской школы И. П. Елагина. В накаленной атмосфере соперничества придворных партий галломанов и германофилов, в разгар борьбы трех любимцев муз — Ломоносова, Сумарокова и Тредиаковского — за титул первого русского стихотворца елагинские панегирики Сумарокову и язвительные выпады против Ломоносова и его сиятельного покровителя Шувалова вызвали бурю.¹ Правда, это была буря «в стакане воды», и все-таки поэтические баталии 1750-х годов несомненно имели общественный резонанс и оказали определенное влияние на формирование русской сатиры и литературной критики.

Сатирические послания участников полемики, выполнив свою основную задачу как можно более уязвить противника, на этом, как правило, и заканчивали свой жизненный цикл. С годами страсти улеглись, и ничто, казалось, не напоминало о былых сражениях. Литературные журналы — эти надежные хранители преданий старины — возникли в России позднее, да и к тому же, по мнению современников, едва ли уместно было придавать «тиснению» пасквильные стишки, полные личных выпадов, а иногда и просто оскорбительные. Поэтому всеми имеющимися в нашем распоряжении сведениями о литературно-общественной полемике 1750-х годов мы обязаны тем усердным читателям, которые, со-

¹ См.: Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750—1765. М.—Л., 1936, с. 113—146.

бирая по листочку сатирические «эфмериды»,² составляли из них целые рукописные антологии.

Более ста лет назад А. И. Артемьевым и Н. Н. Буличем была введена в научный оборот первая из таких антологий — рукописный сборник «Разные стиходействия», хранящийся в библиотеке Казанского университета.³ Известие об этом сборнике привлекло внимание тогдашних историков русской словесности, и многие из них — С. П. Шевырев, Н. С. Тихонравов, Л. Н. Майков, А. А. Куник⁴ и другие — заказали себе его копии. По одной из таких копий А. Н. Афанасьев и опубликовал в 1859 г. основной корпус материалов, собранных неизвестным любителем литературы елизаветинского времени.⁵ Публикация Афанасьева и майковская копия долгое время служили единственным источником для всех исследователей литературной борьбы 1750-х годов (П. Н. Беркова, Л. Б. Модзалевского и др.), и только в 1964 г. И. З. Серману удалось обнаружить в Отделе рукописей ИРЛИ (ф. 265, оп. 2, № 977) новый сборник, близкий по составу казанскому, изучение которого существенно обогатило репертуар полемических произведений, а также позволило внести исправления в уже опубликованные материалы.⁶ Отметив большую, чем в «Разных стиходействиях», полноту и лучшую сохранность текстов этого сборника, Серман датировал его началом 1760-х годов, хотя, судя по филигрань,⁷ он вполне может быть отнесен к гораздо более раннему периоду, т. е. к самому разгару полемики.

Интересные материалы, позволяющие атрибутировать некоторые анонимные полемические произведения и уточнить их тексты, сохранились в архиве историка Г.-Ф. Миллера. Обзор миллеровских списков и публикация двух лирических стихотворений И. С. Баркова, предпринятые Г. Н. Моисеевой, внесли новые коррективы в наши представления о ходе полемики и ее участ-

² См., например, один из таких листков с копией «Сатиры на петиметра и кокеток» И. П. Елагина (бумага фабричной выработки 1752 г.) в Отделе рукописей Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР (далее: ИРЛИ), РИ (коллекция литературных рукописей БАН), оп. 1, № 110.

³ См.: Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени..., с. 115, 305—306.

⁴ Копия А. А. Куника более позднего времени хранится в ИРЛИ (РИ, оп. 1, № 635).

⁵ Библиографические записки, 1859, № 15, стб. 449—476; № 17, стб. 513—528.

⁶ Серман И. З. Из литературной полемики 1753 года. — Русская литература, 1964, № 1, с. 99—104.

⁷ Филигрань: «Pro Patria» с буквами «WEM» и королевским шифром «GR». Сходный знак см. под № 255 (1752 г.) в альбоме С. А. Клепикова и М. В. Кукушкиной «Филигрань „Pro Patria“ на бумаге русского и иностранного происхождения». — В кн.: Сборник статей и материалов Библиотеки Академии наук СССР по книговедению. Л., 1965.

никах.⁸ Итак, к настоящему моменту известны три рукописных сборника сатирических стихов и посланий в прозе 1750—1760-х годов: Казанский, Селифонтовский (ИРЛИ) и Миллеровский.⁹ Это, конечно, очень мало, особенно если учесть, что битва на Парнасе чуть ли не десятилетие привлекала к себе внимание всего образованного русского общества. Недавняя находка в Отделе рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР (далее: ОРРК БАН) нового сборника, составленного современником (а может быть, и участником) полемики — А. А. Ржевским, — лишний раз свидетельствует о том, что круг активных участников и заинтересованных наблюдателей литературных сражений был довольно широк.

Алексей Андреевич Ржевский (1737—1804) оставил заметный след в истории русской словесности XVIII в. Автор философских притч, торжественных од и любовных элегий, драматург, активный сотрудник чуть ли не всех петербургских и московских журналов начала 1760-х годов, он принадлежал к младшему поколению поэтов сумароковской школы. Подобно другим юншам его круга (М. М. Хераскову, Н. А. Бекетову, Н. Е. Муравьеву и др.), Ржевский видел в занятиях поэзией приятное и полезное средство заполнить «досужные» часы. Фортуна была удивительно благосклонна к этому блестящему гвардейскому офицеру. В 30 лет он стал депутатом Комиссии о сочинении нового Уложения от города Воротынска Московской губернии, спустя четыре года — вице-директором Петербургской Академии наук, затем — президентом Медицинской коллегии, действительным тайным советником, сенатором, камергером. В эпоху, когда стремительные взлеты «калифов на час» обычно завершались столь же стремительными падениями, служебная карьера Ржевского складывалась на удивление всем ровно и безоблачно. К сожалению, биографические сведения об этом незаурядном человеке, дошедшие до нас, крайне неполны. Тем большего внимания исследователей заслуживает сборник, а точнее — конвюлют, составленный Ржевским в 1771 г.¹⁰ из тринадцати рукопи-

⁸ Моисеева Г. Н. К истории литературно-общественной полемики XVIII века. — В кн.: Искусство слова. Сборник в честь 80-летия члена-корреспондента Академии наук СССР Д. Д. Благого. М., 1973, с. 56—64.

⁹ Достоверно известен составитель только одного (Миллеровского) сборника. Предположение А. И. Артемьева о том, что «Разные стиходействия» были собраны известным казанским библиофилом XVIII в. В. И. Полянским, представляется нам неубедительным. Библиотеку Полянского передали в дар Казанской гимназии его наследники в 1798 г. (см.: Иваск У. Г. Частные библиотеки в России, ч. 2. СПб., 1912, с. 29), а сборник сатиры был приобретен университетом «от г-жи надворной советницы Актовой в С.-Петербурге» значительно позднее (см.: Библиографические записки, 1859, № 15, стб. 449).

¹⁰ Год составления конвюлюта указан на его форзаце. Картонный переплет, оклеенный пестрой обойной бумагой, характерен для середины XVIII в. На листах у переплета филигрань (буквы «ВФ» и «СТ» в волнистых прямоугольниках), соответствующая № 151 (1765—1776 гг.) в аль-

сей и десяти печатных брошюр (ОРРК БАН, 12.4.28). О принадлежности конволюута Ржевскому свидетельствуют владельческая запись на его форзаце и помета на титульном листе («А. А. Ржевскому» — л. 82) оды А. Протопопова по случаю дня рождения Екатерины II (М., 1768). Рукописи и брошюры переплетены без всякой системы. По-видимому, их владелец собрал здесь воедино скопившиеся за много лет в его архиве материалы, связанные с памятливыми ему событиями в политической и литературной жизни страны. Больше тридцати лет стоял этот сборник на полке петербургской библиотеки Ржевского, пока не перешел после смерти его составителя к известному коллекционеру А. И. Сулакадзеву (см. его пометы на л. 1 и 97 об.). Дальнейшая судьба этого уникального комплекса исторических и историко-литературных материалов до их поступления в 1933 г. в ОРРК БАН неизвестна. Судя по следам сырости на листах и деформированному переплету, сборнику Ржевского довелось за свою двухсотлетнюю историю побывать во всяких «переделках».

Характер исторических документов, включенных в конволюут, легко объясним, если сопоставить их с известными фактами биографии его владельца. Деятельный участник работ Комиссии о сочинении проекта нового Уложения, Ржевский бережно собирал в назидание потомству протокольные записи важнейших выступлений на первых, торжественных заседаниях русского законодательного собрания. Среди них мы находим известные ранее по другим печатным источникам две речи председателя (маршала) Комиссии А. И. Бибикова (л. 52—52 об. и 55—55 об.), тронную речь Екатерины II по случаю поднесения ей представителями всех сословий России титула «Великой, Премудрой и Матери Отечества» (л. 55 об.—56),¹¹ а также неопубликованное «напутственное» слово к депутатам Комиссии, произнесенное повгородским митрополитом Димитрием (Д. А. Сеченовым) перед присягой в кремлевском Успенском соборе 30 июля 1767 г. (л. 60—61), и полный текст его речи на заседании 7 августа того же года, из которой напечатаны только отдельные выдержки (л. 53).¹² К материалам Комиссии примыкает по своему характеру рукописная копия письма Фридриха II от 26 ноября 1767 г. к Екатерине II (на французском языке, л. 57—58). Сообщая о получении экземпляра Наказа, составленного ею для будущих сочинителей проекта нового Уложения, прусский король выражал восхищение государственной мудростью «Северной

боме С. А. Клепикова «Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX вв.» (М., 1959); далее: Клепиков

¹¹ См.: Записки о жизни и службе Александра Ильича Бибикова. СПб., 1817, с. 86—91, 95—98, 99; Сборник Русского Исторического общества, т. 4. СПб., 1869, с. 56—58, 63—65.

¹² Сборник Русского Исторического общества, т. 4, с. 59—60.

Семирамиды». ¹³ Половина похвальных од, собранных Ржевским, также посвящена прославлению Екатерины II — законодательницы (л. 66—81, 86—91).

Переходя непосредственно к литературным материалам, собранным Ржевским, следует упомянуть две брошюры: «Оду на великолепный каррусель, представленный в Санктпетербурге 1766 года» В. П. Петрова (М., печ. при имп. Моск. ун-те, 1766) и «Стихи на бракосочетание его высокородию Никите Иакинфовичу Демидову» Федора Юдина (М., печ. при имп. Моск. ун-те, 1768). Обе они могут быть по праву названы первоклассными библиографическими униками. В рукописи осталась дошедшая до наших дней лишь благодаря Ржевскому анонимная пьеса «Езда к теплицам» (л. 15—30) ¹⁴ — классическая итальянская комедия с плутоватым слугой, ученым доктором и братьями-соперниками, узнающими друг друга после долгой разлуки. Не менее любопытен листок с малограмотным прозаическим переводом песни известного итальянского лирического поэта XVIII в. П. А. Д. Метастазियो «Истинная вольность» (л. 54). Из авторской приписки мы узнаем время и место появления в свет этого листка, а также источник, которым пользовался переводчик: «Переведена сия ода с французского <...> ис книги: *Rétorique françoise à l'usage des jeunes demoiselles* ¹⁵ в Питербурге на дворе <...> Долгорукова на Миллионной улице, 1760 году августа 10 числа». К сожалению, та же рука, что написала эти строки, впоследствии стерла имена переводчика и его домохозяина. В зрелые годы людям свойственно стыдиться своих наивных юношеских опытов в стихах и прозе. Песня Метастазियो, приведенная в качестве образца «умеренного или среднего слога» во французской риторике Г. А. Гайара, издавна была известна в России, и, как выясняется, на ней пробовало свои силы не одно поколение русских литераторов. В конце XVIII в. стихи о неверной Нисе привлекли внимание Ю. А. Нелединского-Мелецкого, и он напечатал в пятой книжке «Московского журнала» (1792, январь, с. 5—9) их вольное переложение. Пять лет спустя оно вошло в первый русский перевод риторики Гайара. ¹⁶ Приведем в качестве примера первый абзац (из 13; с сохранением орфографии подлин-

¹³ Русский перевод письма Фридриха II впервые был напечатан в 22-м листе части I «Живописца». См.: Сатирические журналы Н. И. Новикова. Ред., вступ. статья и комментарии П. Н. Беркова. М.—Л., 1951, с. 359—360.

¹⁴ Написана на бумаге с филигранью 1748 г.

¹⁵ См.: Gaillard G. A. *Essai de rhétorique françoise a l'usage des jeunes demoiselles*. . . Имеются три парижских издания 1746, 1748 и 1752 гг.

¹⁶ См.: Риторика в пользу молодых девиц, которая равным образом может служить и для мужчин, любящих словесныя науки. . . СПб., 1797, с. 168—171. О популярности этого стихотворения свидетельствуют его многочисленные списки в рукописных сборниках стихов конца XVIII—начала XIX в. См., например, один из таких списков в сборнике 1810-х годов (ОРРК БАН, Собр. Музея Приенисейского края, № 61, л. 65).

ника) прозаического перевода песни Метастазии параллельно с первой строфой стихотворного переложения Нелединского-Мелецкого:

Истинная волнасть

Благодарствую, Ниса, твоим обманам, я аживаю, Боги на канечь сжалились на да мною безщасным, душа моя чувствует себя вышедшею из оков, волнасть ныне мая истенна.

Ниса

Наконец твои обманы,
Нрав притворной, Ниса, твой,
Излечили сердца раны,
Возвратили мне покой.

Стихотворная полемика 1760-х годов представлена в сборнике Ржевского печатной брошюрой (л. 62—63) и современным списком (л. 2) двух элегий А. П. Сумарокова «Страдай, прискорбный дух! Терзайся, грудь моя!..» (СПб., 1768) и «Все меры превзошла теперь моя досада...» (на представление в Московском театре 30 января 1770 г. трагедии «Синав и Трувор»),¹⁷ в которых опальный драматург гневно ополчался на своих гонителей, а также листком (л. 59)¹⁸ с сатирой Ф. А. Эмипа на Сумарокова, известной ранее по Казанскому сборнику,¹⁹ и анонимными «Одой» и «Надгробной надписью». До наших дней не сохранилось автографов сумароковских элегий. Тем более интересен список одной из них («Все меры превзошла теперь моя досада...»), судя по нашим наблюдениям, более исправный, чем тот, по которому ее впервые опубликовал Н. И. Новиков.²⁰ В нашем распоряжении, к сожалению, нет достаточных данных для атрибуции авторов и адресатов сатирической «Оды» и «Надгробной надписи». Напомним только, что «безбожником-ханжой», «лжесвятым» и «лжепророком» Ломоносов и его единомышленники называли Тредиаковского, против своей воли вовлеченного в полемику вокруг «Гимна бороде»,²¹ а «Надгробная надпись» развивает (либо пародирует?) злую шутку, положенную в основу известной эпиграммы Сумарокова на Марназова (естественная смерть спасает от петли достойного повешения клеветника):²²

¹⁷ Бумага с филигранью (буквы «ВФ» и «СТ» в волнистых прямоугольниках), соответствующей № 151 (1765—1776 гг.) у Клепикова. Элегия была впервые напечатана Н. И. Новиковым в полном собрании сочинений А. П. Сумарокова (ч. IX, М., 1784, с. 93).

¹⁸ На бумаге филигрань 1766 г.

¹⁹ См.: Библиографические записки, 1859, № 17, стб. 516—517.

²⁰ Ср., например, строки 26—27 в списке Ржевского («...о вы, кропящие Петрополь невки волны, *сего ль для Петр при них* храм музам основал...») со строкой 27 во всех изданиях этой элегии, начиная с новиковского («...*сего ли для, ах, Петр*, храм музам основал...»).

²¹ См.: Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени... с. 225.

²² Сумароков А. П. Избр. произв. Л., 1957, с. 258.

Прегнусный харя чорт, желая быть пригожим,
 Надев на лоб клабук, рабом хотел быть божьим,
 Он думал, что сей цвет к лицу ему пристал, —
 Нарочно — рожей чорт в том платье гаже стал...
 И ты, чтоб меньше твой дух злобным казался,
 З духовными теперь особами спознался,
 Но прав твой явен всем, хоть в церкви будешь жить,
 Безчестности своей и тем не можешь скрыть,
 Хоть казанья творишь, но труд твой весь бесплоден, —
 Чтоб честным быть, к тому нимало ты не сроден.

Надгробная надпись

Великой в сем рифмач опочивает гробе,
 С которым никому нельзя сравниться в злобе,
 Всемирный клеветник, безбожник, подл и бешен,
 Ах, смерть взяла того, кто должен быть повешен.

Самой ценной находкой среди материалов, механически соединенных Ржевским в «аморфный» конволют, несомненно следует признать рукописную антологию сатирических посланий участников литературно-общественной полемики 1752—1753 годов. Эта тетрадь — ровесница первых сражений на российском Парнасе²³ значительно отличается по составу от всех известных сборников (Казанского, Селифонтовского и Миллеровского) аналогичной тематики. Здесь мы находим ряд полемических произведений, нигде более не встречающихся; многие ранее опубликованные произведения представлены в сборнике Ржевского авторитетными и полными списками, что позволяет внести в их тексты существенные исправления. Выступления отдельных участников полемики собраны в тетради в хронологической последовательности. Такое расположение значительно облегчает задачу исследователей, помогая уточнить основной круг вопросов, ставших предметом жарких споров, а также позиции представителей различных точек зрения, наметившихся в ходе полемики.

Список знаменитой сатиры И. П. Елагина «На петиметра и кокеток», открывающий тетрадь (л. 5—6), изобилует многочисленными разночтениями и дополнениями к опубликованному А. Н. Афанасьевым тексту. Чаще всего это отдельные слова и фразы, пропущенные либо искаженные до полной утраты смысла составителем Казанского сборника: «...и самый глухой полк кокеток лишь прельщает...» (в строке 30 публикации: «...немый и глухой полк...»); «...меж пудренными тут летая облаками...» (в строке 53: «...меж пудренными тут лента волосами...»); «...чем Фракса гордого он в Риме победил...» (в строке 148 публикации подчеркнутое слово пропущено). Строфа 132 («...кото-

²³ Бумага с филигранями (ярославский герб с буквами «ЯМЗ» большого формата и буквы «ГУБР» и «ФСМП» малого формата), соответствующими № 761 и 218 (1751—1754 гг.) у Клепикова.

рые Даржанс для бедности писал...») читается здесь так же, как и в Селифонтовском сборнике, по которому ее впервые точно воспроизвел И. З. Серман.²⁴ Однако некоторые разночтения возвращают отдельным строкам эмоциональную и полемическую окраску, утраченную в публикации А. Н. Афанасьева. Так, перемена одного слова в реплике петиметра (строка 52) — «ужесть как мила» вместо «радость как мила» — имеет существенное смысловое значение. Не случайно именно этой типично «модной» фразой — «Ужесть как мила» — Н. И. Новиков охарактеризовал (и назвал) одну из своих «героинь» в листе шестом «Трутня» за 1770 г.²⁵ Еще показательнее полемическое уточнение в строке 89: «...или как наш Пиндар, вписав в свой стих Россию...» (вместо безличного: «поэт»). Если в смягченном варианте Казанского сборника намек на «российского Пиндара» — Ломоносова поняли только немногие знатоки поэзии, то упоминание имени великого греческого одописца предельно конкретизировало мишень сатирических стрел гоноителя «петиметров и кокеток».

Сатира Елагина была встречена на российском Парнасе «в штыки». Слишком многие его обитатели, одни справедливо, другие из присущей поэтам мнительности, почувствовали себя оскорбленными и жаждали отмщения. Первым вступил в бой Ломоносов. Его письмо к И. И. Шувалову широко распространялось в списках наряду со стихотворными сатирами. Текст этого письма, опубликованный в академическом полном собрании сочинений Ломоносова по дефектной копии,²⁶ нуждается в серьезных уточнениях. Первые из них внес И. З. Серман по Селифонтовскому сборнику.²⁷ В списке Ржевского (л. 7) встречаются и другие разночтения. Так, говоря о возможности будущего столкновения Сумарокова с Елагиным, Ломоносов намекал на какие-то ранее бывшие между ними конфликты («...опять до войны дойдет...» — вместо: «...у них до войны дойдет...»); слово «наперсник» расшифровывалось в его письме как «любовный», а не «любимый прислужник»; еще в двух случаях верное прочтение отдельных слов помогает восстановить их смысл, искаженный в первой публикации письма: «...он пишется защитником веры, но правой или нет, о том можно сомневаться...» (вместо: «...но право или нет...») и «...хочет муз отдать в послушание А. П., или, по его мнению или бесстыдному льщению, уже отдал...» (вместо бесмысленного: «мщению»).

Следующая за письмом Ломоносова сатира «Защитение петиметра» (л. 8—9) вводит в круг участников полемики новое лицо — видного русского историографа и литератора XVIII сто-

²⁴ См.: Серман И. З. Из литературной полемики 1753 года, с. 101

²⁵ Сатирические журналы Н. И. Новикова. Ред., вступ. статья и комментарии П. Н. Беркова. М.—Л., 1951, с. 201.

²⁶ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч., т. 10. М.—Л., 1957, с. 493—494.

²⁷ См.: Серман И. З. Из литературной полемики 1753 г., с. 101

летия князя М. М. Щербатова (1733—1790).²⁸ Двадцатилетний юноша вступил в спор с редкостным тактом и сдержанностью, которых так не хватало многим более зрелым противникам Елагина. Осудив пристрастность и развязный тон автора сатиры «На петиметра и кокеток», открывшего рифмованную пальбу «из пушек по воробьям», Щербатов решительно выступил против избранного Елагиным способа борьбы с литературными и политическими противниками. Признание за сатирой большого общественного значения не должно было, по его мнению, вести к смешению сатиры с пасквилем. Цель литературы — в ее служении обществу, в исправлении пороков людей, а не в мелочном сведении личных счетов. Тот же, кто не понимает этой истины, обречен на позор и унижение. Многие участники полемики, как мы увидим ниже, разделяли эту точку зрения Щербатова.²⁹ А теперь познакомимся с текстом его сатиры:

Похвал, о Елагин, достоин ты не ложно,
Любителям наук тебя хвалить всем должно,
Хоть песнями понынь еще ты процветал,
Но и в них ты свой ум довольно показал.
Ты страсть любовную толь в них изображаешь,
Что кто их станет петь, к слезам тех принуждаешь,
И тем понынь любви поетом у всех слыл,
Зачем, скажи, ты слог сатир ныне прельстил?
Зачем на безвизной порок глас возвышаешь,
Петиметров ныне в своих стихах ругаешь?
Зачем из всех страстей сие ругать избрал,
И на безвредную другим лишь ты напал?
Молчишь про те, кои велик всем вред наносят,
И равно мщения людей и неба просят!
Праведно за сие всем ненавидим стал,
И брань на ся навлек вместо прежних похвал,
И все ныне люди мнят, о Елагин, о тебе,
Что ты тщился отмстить учиненну злость себе,
Не музой наставлен сии стихи ты пел,
Но в злобе ты равной как Фурия кипел.
Но чем бы сия страсть руганию достойна,
Прежде всего, мнится, то рассмотреть пристойна:
Всяк щоголь лишь мыслит, как бы себя убрать,
Как бы уборами красы себе придать,
О всем же протчем он никак не помышляет,
Имение свое в младых днях проживает,
Пред зеркалом чуть что не целой день сидит,
Об уборах мысля, часто всю ночь не спит.
Но ум мой еще в том смеху не обретает:
Небо разны дары на смертных изливает.

²⁸ Подписана: «Делал к^нязь» М. Щербатой». Эта сатира осталась неизвестной авторам новейших работ о Щербатове-поэте. См.: Щербатов М. М. Незданные сочинения. Вступ. статья П. Г. Любомирова. М., 1935; Рустам-Заде З. П. М. М. Щербатов, его публицистические и литературно-художественные произведения. Автореф. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Л., 1968.

²⁹ См., например, сатиру напольного поручика Брандта в кн.: Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени... , с. 143—146.

Иной над книгами день и ночь все сидит,
Другой же с трубою в nocturne время бдит,
Смотрит на планеты и цифрами толкует,
Чудно составление Вселенной испытует;
Многие ж мнимым златом vsue прельстятся,
В химии трудятся, оное наитить лъстятся,
Или к механике любовь зелну имеют,
Или над стихами часто vsue потеют —
Итак, всякой к тому особливо рожден,
И веселится тем, во что он упражнен,
Так равно и петиметр только в одно то тщится,
К чему определен судьбиною родиться.
Убором он своим меня не огорчит,
Нрав его веселой всех людей веселит,
Есть ли досада в том, себя кто одевает,
Хоть ежедневно он обнову надевает?
Никаво другова он тем вить не вредит,
Коль свое имение в наряды истощит,
Однако и о том, сколь та ни щитаю,
Еще я никаво понынь не обретаю,
Кто б в одни уборы именье промотал
И без других страстей от них нищим стал.
Лишь видом он своим весь взор мой привлекает
И не меньше того веселостию прельщает,
Всегда весел и смел, в компании смешон,
Но не для того, чтоб всем глуп казался он.
Умом лишь он своим беседу утешает,
И для того смешон, что смешным быть желает,
Но часто то бывает, коль случай то велит,
Что постоянно речь и цоголь говорит,
И в ней, наоборот-то, разумен быть зрится,
Коль незнающему он прежде смешон мнится.
Так больших пороков не нахожу я в нем,
Разве последовать нашь отцу смертным всем:
Ходить нагим, как он, иль листья сплетая,
Свой стыд чтился прикрыть, иных одежд не зная,
Но я тому потом творец наш показал,
Чтоб кожею зверей он тело прикрывал,
И с того времени, одежды пременяя
С климатом разных мест иль с вкусом соглашая,
Иной народ себе власам расти давал,
Другой же, чтоб брить их, в закон себе щитал,
Многие же себя коротко одевали,
И у нас в старину азиями в моде стали,
Но как стал наш народ от суровств отвращен,
Комерцией со всей Европой соощен,
Тогда отцы наши их моды пернимали,
А азиатки правы з брадами покидали.
А ты разве хочешь опять возобновить,
И давно умершу браду нам воскресить,
И вместо б кафтанов азиями надевали?
Поверь, мой друг, ты мне, твои труды пропали:
К старинным убором ты не можешь прельстить,
Но сам, коли хочешь в азиях ты ходить,
Тебе, поверь, скажу, никто не запрещает,
Но так же по тебе никто не подражает,
Но коль боишься ты смешну всем людям быть,
То лутче для тебя, нежелъ злодеем слыть.
Но что в твоём письме еще я ненавижу:
Что боле злости, нежелъ разума вижу.

Подумай ты сам, как можно с умом своим сказать,
 Будто бы петиметр не знал себя убрать.
 Во всем жоликера совету вопрошает,
 Будто бы без него как нарядитца не знает.
 Желею о тебе, что как ты ослеплен,
 Со злобы не видишь, как вдруг стал отдален
 От того, описать что столь ты долго тщился —
 Из щоголя мужик деревенской родился.
 Знатно стихов к своим мыслям ты не прибрал,
 Не то, что ты хотел, по что мог, то писал.
 Признайся без сердца в незнании твоём —
 Ей-то лутче, мнится мне в слабом уме моем.
 Чтоб выразить кому в стихах мысль не умеет,
 Нежели почту толь слабую имеет.
 Итак, мое письмо таперя окончаю,
 Лишь при конце тебя еще я вспоминаю,
 Чтоб впредь ты никаво толь злобно не ругал,
 И коль страстей писать, о чем другом писал.
 Что в себе имеешь — в других людях не брани,
 По одной наслышке ты Расина не хвали,
 Равно смешно мнится творцов немцов ругать,
 Как, не разумея, французских похвалять.
 Прогнавши злобу всю нань, подумай о тебе,
 И пороки свои изочи ты сам в себе,
 А сколь можно б было тебя ими ругать,
 Ежели б противу тебя кто стал писать.
 Ныне же, коль можно, в вине своей признайся,
 Лутчими стихами отправится старайся,
 Иди, те поля прекрасны похваляй,
 Иль чрез трагедию к слезам нас принуждай,
 Коль дух в тебе парящ и мысль имеешь смелу,
 Возьми звучну трубу и следуй Гомеру,
 Славные героев дела нам воспевай,
 Но сатиры ты впредь отнюдь не начинай,
 Всегда вредно тому, коль кто других ругает —
 Всяк автора бранит, хотя ее читает,
 А ты начатком довольно показал,
 Что ни к ней ты рожден, хоть сколько б не писал.

. Внимание исследователей полемических сборников неизменно привлекала фигура одного из «героев» елагинской сатиры — таинственного красавца «М...», предмета воздыханий всех петербургских щеголих и зависти петиметров. Высказывались разные предположения по поводу того, кто мог скрываться под этой маской. П. Н. Берков попытался путем сложных логических выкладок отождествить «М...» с «героем» сумароковской эпиграммы Марназовым, а последнего, усматривая в «Марназове» искаженную переписчиком аллегорическую фамилию «Маркизов», — с сиятельным покровителем Ломоносова И. И. Шуваловым.³⁰ Более аргументированной представляется нам гипотеза И. З. Сермана, напомнившего историкам русской литературы XVIII в. о кумире модных салонов Петербурга 1750-х годов — заезжем французском авантюристе Фужере де Монбрене.³¹ Однако еще один «М...» —

³⁰ См.: Там же, с. 307.

³¹ См.: Серман И. З. Из литературной полемики 1753 года, с. 104.

преподаватель Артиллерийского и инженерного кадетского корпуса, автор многих популярных в публике «стихотворений разного рода, а особливо песен»³² Николай Ерофеевич Муравьев — почему-то остался вне поля их зрения. В то же время несколько сатир из Казанского сборника³³ прямо указывают на Муравьева как на одного из самых активных участников стихотворной полемики. Характерно, что объектом насмешек стали «хвалы невежеству» и «советы влюбленным» помешавшегося от страсти механика. Итак, какой бы «М...» ни был в действительности мишенью для сатирических стрел Елагина, Муравьев принял оскорбление на свой счет и тут же взялся за перо. В сборнике Ржевского сохранилось анонимное «Письмо к Бекетову» (л. 9 об. — 10). Его автор, начав свое сатирическое послание с осмеяния ученых педантов (чем не хвала невежеству?) и туманных намеков на неудачи Елагина в амурных делах (они встречаются и в других сатирах), завершил письмо теми самыми «советами влюбленным», которые сделали Муравьева посмешищем читающей публики:

Скажи, Бекетов, тот не прямо ль веселится,
 Кто в усерди учен, не вовсе в том трудится,
 Кто чтению любит книг, не может быть без них,
 Сидит и с книгою и у друзей своих,
 Веселости и труд день прямо разделяет,
 В труде острит свой ум и сам чюство услаждает?
 Мне кажется, сто крат счасливей он тово,
 Акроме кто наук не молвит ничево,
 Кто целой день и ночь над книгой провождает
 И в постех о творцах старинных разсуждает
 И, если слово в них приятное найдет,
 Тогда он дурачество безделице почтет.
 Ученой думает: меня то не прельщает,
 Что знает и другой. Пуцай мой смысл летает,
 Авось-либо сыщу, чево еще не знал —
 Не умеи, которой так во свете славен стал.
 В том надобно, чтоб ум теперь мой упряжился,
 Чтоб я ево затмил, а сам бы прославлялся.
 В разуме просвещен трудами и наукой —
 Хоть будешь счастлив в том, но дни проводишь скукой,
 И прямо будешь ли ты оным веселиться,
 Что славен днесь, научен, тово ему не снится.
 Что в том, что запершишь луч солнца разделил,
 Согласие цветов прехитро съединил?
 Он умер нам — и все драгия умирают —
 Что пользы, что ево здесь много прославляют,
 Не может славы звук прервать се кренки сон,
 Хоть во ученой он написан лексикон!
 Одно тщеславие ту мысль лишь в нем раждало,
 Великим что назвал его в потомстве свет,

³² Евгений [Болховитинов Е. А.]. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России, т. 2. М., 1845, с. 92.

³³ Библиографические записки, 1859, № 17, стб. 524—525. См. также школярскую сатиру на Муравьева в рукописном сборнике нач. 1760-х гг., составленном М. Ревякиным (ОРРК БАН, Тек. пост., № 640, л. 23 об.).

Хоть в том величестве нималой пользы нет:
Чем славится педант — придворной то ругает,
Чем гордится он — то тотчас пересмекает.
Спроси у обоих, чем в свете есть покой?
Один почтет латынь — веселости другой,
Один за надобности убор почитает
И мнит, что всех девиц висками он прельщает,
Другой старается доводы приискать,
В котором бы образе оному представлять
И фолиантов, что со тщанием разгибает,
Чего ж он ищет в них — и сам не помнит.
Бездушны секретарь велик тем хочет быть,
Что мог бездельствами ково он обольстит,
Себя он мнит в труде, не любит стихотворства
И думает, что есть праздности лишь свойства,
Когда тяжбу дворян неправо прекратит,
Оправит виноватого, себя обогатит,
Тогда поетом вам он в мыслях не смеется,
Пускай меня бранят — ко мне богатство льется,
Что выслужат стишком, когда у них спросить,
Так скажут не на что им и свечи купить, —
Но я тебе, дружек, богатство уступаю,
И в бедности стихи всему предпочитаю,
Довольно и тово, что итти я могу
Бездельства уличать и что пишу — не лгу,
Поеты весело в них время провождают,
Разумныя стихи чтецов увеселяют,
В них больше сладости находят и забав,
Как дело слушая, кто виновен в нем или прав.
Скажи, Бекетов, мне: не разное ль всех мнение —
Всяк хвалит, в чем ево есть малое умение.
Открытели всех тайн прещедра естества,
Почтенны разумом от Вышня существа,
Те люди, коих все учеными считают,
Безсмертия себе различно достигают:
Один старается другога свергнуть честь,
Но лишни выдумая цырфь,³⁴ сколько бы ни есть, —
Но кто мне изъяснит, чтоб в свете обходиться
Не так приятно им, как с книгою возиться;
Как до потопа Ной и где тогда он жил,
Как Соломона храм в евреях создан был,
Как слово разобрать на надписех в торийной,
В короткой ли была одежде или длинной
Люкреция тогда, как смерть себе дала,
У Брут во оны час, ко измене привела, —
Что нам до тово ль, педант, — скажут то ж, —
Когда все разбирать — наружу выдет ложь.
Но те еще и всех несноснее мне мнятся,
Которыя весь век в одном лишь том трудятся
И мнят велики быть, пороча всех дела,
И в сердце говорят: чтоб пропасть всех взела!
Которы письменных не знаючи пороков,
Болтают напрямик: велик наш Сумароков!
Спросили б у меня, — невежда говорит, —
Я б верно доказал, что свет сей неправо мнит.
Какой ето писец, которой пишет ясна, —

³⁴ Так в тексте.

Не то в стихах есть нежно и прекрасно,
На то, чтобы хвалить верхи рифейских гор...

35

А как ты станешь о страсти ей говорить,
Романически речь свою не тщишь плодить,
Не занимай ты слов плачевных у Расина, —
Любви не вспалит трагедия едина, —
Разумно говори и не рабей тогда,
Возможно угодить и шуткой иногда,
Всех больше жалких слов и слезного притворства, —
В речах с любовницей не нада стихотворства.
Венерин сын и слеп, и мальчик молодой —
Он хочет, чтоб ему безумием и игрой
На свете угождали. Он тихих проклинает,
Сам дерзок, он иском и дерзким помогает.
Как оказано тебе союзом — свой заключай
И в молчаливости ево ты сохраняй.
Нет в свете ничево несчастне сей напасти,
Проведают о ком, что он в любовной страсти,
И станет пальцами показывать ево,
Приметь, сколь он смешон у общества всево,
Подобен он тому, что год лежал <в> чехотке,
Как с пальцами рыбак плывет без ветра в лотке,
Стушаньем тихим он подходит к красоте
И хочет рассказать любовны речи те,
Которые она и так давно уж знает,
Которые уже и вид ево являет,
Изрядное весьма есть правило влюбляться,
Быть можно влюбленну, не нада лишь казатца,
Довольно знает та, кому то должна знать,
Сердечны оны боль почто всем объявлять,
Еще и для того долг есть остерегатца,
Пронырливой не мог соперник чтоб дознатца.
Обычей истребил, что было в старину,
И что любовницам считалась в вину:
Когда увидев он в беседе другую,
Не стал краснеть, бледнеть в неверность бы презлую,
Ему причлося, то прошло,
И обхождение иное уж нашло.
Уверить чем свою любезную возможно?
Имей лишь верный дух — уверишь тем неложно.
Случаетца и то: в цвету любви прямой
Что подозрением разрушитца покой,
Пустою ревностью кровь жарка возгоритца,
Блажен тот, кто тогда возможет победитца,
И все, что кажетца, на свой не возьмет щот,
Блажен и треблажен из рода смертных тот.
Почто выведовать то, что нам неприятно,
Все кажутца дела в страданиях превратно,
То думай: ты ей мил, она мила тебе,
Сей мыслью истребляй всю ревность ты в себе,
Которой паче всех мученъев на свете,
Не слушай в том друзей, будь сам с собой в совете.
Скажи таперь, мой друг, не правду ль я писал?
Мне кажитца, что я довольно уж сказал,
Когда ж ты знаешь, что еще сему подобно,
Скажи мне — соглашусь с тобой я незлобно.

³⁵ В тексте пропущена строчка.

Обращение Муравьева за поддержкой к Бекетову было явно не случайным. Фаворит императрицы Елизаветы Петровны, блестящий гвардейский офицер и талантливый лирический поэт Никита Афанасьевич Бекетов (1729—1794) по праву считался эталоном истинного петиметра. По всей России ходили слухи о его баснословно дорогих и экстравагантных нарядах. Не менее широкой известностью пользовались любовные похождения этого редкостного красавца, щедрого кутилы и галантного остроуслова. Сатира Елагина едва ли всерьез задела Бекетова, человека добродушного и веселого. Однако простой долг вежливости требовал ответить на муравьевское послание. Только так можно объяснить, на наш взгляд, появление среди полемических материалов, собранных Ржевским, неожиданных на первый взгляд стихов «Правила как любиться без печали. Письмо приятелю» (л. 11 об.—12):

Коль в свете счелливим хочешь быть,
Старайся ты скарей любезной объявить
И страсть свою и все, что сердце ощущает,
А как ты изъяснишь то, чем твой дух страдает,
Ответа ты ее неправдой не считай,
Сумнением своим драгой не раздражай,
Сумнение тщетное злу скуку причиняет,
Мучение родит, отчаяния терзает,
А то отчаяние, терпение прервав,
Лишает, наконец, изысканных забав.
Когда с обеих стран страсть нежна изъяснитца,
То должно обоим отнюдь того хранитца,
Чтоб новой сей любви никто не мог узнать,
Кто может тайною любовью пылать, —
В прямой тот роскоши, в веселье пребывает,
Молчание сердца в любви услаждает,
Они промеж собой любви питают страсть,
И счастье свое и всю свою напасть,
И мысли тайныя друг з другом разделяют,
Тем к вечному они союзу притекают,
И, естли их судьба на время разлучит,
Разлука любовь их больше укрепит,
Лишь только верен будь, в разлуке пребывая,
Люби, хоть нет в глазах, но в мыслях воображая
Сурова кто в тебе — предстань о той вздыхать,
И злым мученьем приятства обретать,
Томитца страстью злой — то было в древни веки,
Тех нет теперь времен, не те и человеки.
Пременою такой блаженны мы таперь,
Я истинно не лгу, поверь мне в том, поверь!
Суровости девиц нам смерть не приключают,
Старинной тот обряд днесь люди забывают,
То было в старину, что жизнью не брегли,
Когда возлюбленной смягчити не могли,
Отчаявшись склонить любовницу упорну,
Скоту подобясь в дурачестве бесловну,
Рыдавши многи дни, иль ядом иль мечем
Лишили живота себя в цвету своем.
Почто пред красотой такой вздыхать и рватца,
Которая пред тобой изволит извинятца,
Незнанием слов твоих, незнаением любви,

В чьей склонность родилась к тебе уже крови,
Да долго и сама не будет притворятца
И гордою к тебе не станет та казатца.

Ответ на послание к Бекетову ярко свидетельствует о том, сколь чужды были поэтам «страсти нежной» «больные» вопросы современной литературной и общественной жизни, вокруг которых разгорелись самые жаркие сражения. Здоровый гедонизм «баловней судьбы» быстро погасил вспыхнувшую в их сердцах неприязнь к возмутительно спокойствия — Елагину.

Первая волна антиелагинских сатир пошла на убыль, однако его принципиальные противники не считали спор законченным. Новый импульс полемике придала стихотворная эпиграмма Ломоносова «На Балабана», в которой подверглись осмеянию моралистические потуги Елагина. Ее список из сборника Ржевского (л. 11) содержит отдельные разночтения с черновым подлинником,³⁶ позволяющие видеть в нем доработанный автором или переписчиком вариант первоначального текста. Елагин не остался в долгу. Об этом свидетельствует его «Письмо к Сумарокову», полное злобных насмешек над Ломоносовым. Авторские примечания к этой эпистоле, сохранившиеся только в списке Ржевского (л. 11—11 об.), подчинены той же цели — как можно больше уязвить ненавистного противника:

«Парнат — гора в гряде, о которой баснословят, будто Аполлон с музами на оной обитали.

Мельпомена — муза трагическая.

„Семира“ — трагедия господина Сумарокова, еще не напечатанная.

„Он наших стран Мальгерб, он Пиндару подобен“, см.: Мальгерб — французский лирик, Пиндар — греческий стихотворец.

„Я не чтуса знать его“ — значит, что я не жалею, что, не зная по-французски, Мальгерба не читал, если он таков, как наш одический поэт».

С каждым днем полемика приобретала все более скандальный оттенок. В отрывке из анонимного сатирического стихотворения, направленного, по-видимому, тоже против Ломоносова («О громко <...> каков ужасен мор! Как тучи с тучами гром з громом ударяет, и воздух, закишев, моря и понт терзает...» — л. 12—12 об.), наиболее употребительными словами были: «дурак», «дурачество», «посмешище». Антиломоносовская кампания достигла своего апогея в эпиграмме неизвестной «сочувственницы» Елагина «На Телелюя». А. Н. Афанасьев опубликовал смягченный переписчиком вариант этого грязного пасквиля.³⁷ Список Ржевского донес до нас утраченные в Казанском сборнике внешне незначительные текстуральные разночтения, характеризующие не только личные, но и социальные симпатии и антипатии автора эпиграммы. Так, замена

³⁶ См.: Ломоносов М. В. Полн. собр. соч., т. 8, с. 540.

³⁷ Библиографические записки, 1859, № 15, стб. 456.

всего лишь одного слова в строке: «... огромного враля, *крестьянина* халуя...» (вместо нейтрального: «...и *глупого*») — достаточно показательна. Одно дело — видеть в человеке те или иные недостатки и пороки, и совсем другое — объяснять их его социальным происхождением. Именно эта антидемократическая позиция литераторов елагинского лагеря, отравленных сословной спесью, серьезно обострила обстановку на российском Парнасе. Поэтому очередной защитник Елагина в стихах на его «эпистоле» (л. 12 об.—13) старался уже сохранять максимально бесстрастный и спокойный тон.³⁸ И все-таки даже сравнительно невинная попытка оправдать «гонителя петиметров» вызвала новый взрыв возмущения. Тетрадь полемических материалов, включенная в сборник Ржевского, завершается двумя стихотворными откликами на «похвальное слово» Елагину (л. 13 об. и 14). Оба автора скептически встретили панегирики бездарному сатирику. Однако если один из них ограничился обычными насмешками над несчастным Балабаном, то второй³⁹ решительно осудил всех участников полемики, позорящих достоинство русского литератора:

* * *

Защитник истины, гонитель новых мод,
Сатирик наш преслабый, в стихах твоих мал плод,
Ругаешь ты в сатире безвредну людям страсть,
Не знаю лишь тебе творцом быть кто дал власть,
Ахоту тебе кто к поэзи влил,
Не чаю <кто сих врак слетать ты научил?
Он, хвальной наш творец преславныя Семиры,
А ты, о глупой зделатель смешныя нам сатиры,
Скажи, где научился вздор рифмой украшать
И красны каблучки за важность почитать?
Парнасовым богатством Феб, слышу, не ссужал,
Он сказывает, там ты сроду не бывал,
Как вижу, не учась, сатириком ты стал.
Жаль, друг мой, мне пора, изгрыс что без успеха,
Но вместо похвала дастал довольно смеха,
И платье что бесплодно марал ты табаком,
И в критиках изрядным описан дураком.

Трезвые голоса звучали все громче, боевой пыл участников полемики угасал, и вскоре жаркие схватки вокруг «Сатиры на петиметра и кокеток» отошли в область предания. Внимание нового поколения составителей и читателей русской рукописной книги привлекали иные темы и иные герои. Страницы их «заветных» тетрадей заполнялись выписками из новинок сатирических

³⁸ См.: Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени. . . , с 139—140.

³⁹ Опубликовано по другому списку в кн.: Поэты XVIII века, т. 2. Л., 1972, с. 391—392.

журналов,⁴⁰ вольнодумными посланиями Фонвизина,⁴¹ фривольно-пародийными творениями Баркова,⁴² и если время от времени сюда случайно попадали отдельные «реликты» бурного 1753 г.,⁴³ в них видели всего лишь литературные курьезы, печальные памятники эпидемии «бешенства», внезапно охватившей российский Парнас и так же внезапно прекратившейся. В то же время было бы в корне неверным представлять себе литературно-общественную полемику 1750-х годов как явление эпизодическое, случайное, не имевшее далеко идущих последствий. Прежде всего она послужила для русских литераторов серьезным уроком «хорошего тона». Не случайно много лет спустя любой спор между питомцами российских муз начинался с взаимных заверений в отсутствии личных мотивов и обещаний соблюдать в полемике неукоснительно правила «благопристойности и благонравия».⁴⁴ Переболев детской болезнью «пасквилянтства», русская сатира обрела достойное место в ряду боевых публицистических жанров отечественной словесности. Новый «гонитель петиметров» — Новиков — вкладывал в свои филиппики против изнеженных дворянских «трутней» совсем иное социальное содержание, чем его предшественник Елагин. Систематическое изучение всего комплекса ранее известных и вновь открытых материалов полемики 1750-х годов несомненно поможет более четко определить их место в литературном процессе, более полно выявить их роль в формировании этических и эстетических норм поведения литератора.

⁴⁰ См., например, выписки из сатирических «ведомостей», печатавшихся в «Трутне», и подражания им в сборнике 1770-х годов (ОР ГПБ, XIV.Q.104, л. 22 об. и др.).

⁴¹ См., например, в сборнике начала 1780-х годов (ОР ГПБ, XVII.Q.92, л. 33—35) список фонвизинского «Послания к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке».

⁴² См., например, в сборнике И. С. Баркова «Девичья игрушка» трагедию и оды, пародирующие «высокий стиль» поэтов сумароковской школы (ОР ГПБ, XIV.Q.14; Отдел рукописной и редкой книги Научной библиотеки Казанского университета, № 2383).

⁴³ См. об одном из них: Серман И. З. Из литературной полемики 1753 года, с. 99.

⁴⁴ См., например, предисловие Н. И. Новикова к «Санктпетербургским ученым ведомостям на 1777 год» (№ 1, с. 5).